

Эдуард
ТОПОЛЬ

18+

или

Последний аргумент

Эдуард Владимирович Тополь
18+, или Последний аргумент
Серия «Бестселлеры Эдуарда Тополя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10777921

Тополь, Эдуард Владимирович. 18+, или Последний аргумент : [роман]:

АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-091332-9

Аннотация

«Шпионско-эротический триллер» – так сам автор обозначил жанр этого романа о приключениях юной российско-кубинской разведчицы в США и ее погоне за военными секретами и личным счастьем.

Содержание

Об Эдуарде Тополе и его книгах	5
Часть первая	8
1	8
2	13
3	18
4	30
5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдуард Тополь

18+, или Последний аргумент

Автор благодарит за помощь и консультации своих друзей Михаила К., Юрия Г., Игоря К., Владимира Л., Леонида Б., Владимира М. и Katy R. Если в романе обнаружатся неточности и ошибки, это уже не их вина...

Отдельная благодарность моему редактору Татьяне Николаевне Захаровой.

Авторские права Эдуарда Тополя защищены. Все перепечатки данной работы, как полностью, так и частично, категорически запрещены без письменного разрешения автора, в том числе запрещены любые формы репродукции данной работы в печатной, звуковой или видеоформе. Любое нарушение закона будет преследоваться в судебном порядке.

Все события и персонажи вымышлены, все совпадения случайны.

© Э. Тополь, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Об Эдуарде Тополе и его книгах

«Тополь пишет с таким знанием российской жизни, которого не могут достичь ни Ле Карре, ни Дейтон. Головокружительные тайники информации...» («Нью сосайети», Великобритания).

«Тополь использует вся и всё, что делает бестселлер, – убийство, интригу, секс, любовь, юмор – и, самое главное, не разочаровывает в конце...» («Бирмингем ньюс», США).

«Эдуард Тополь, по определению парижан, “самый крутой мастер современной прозы”» («Общая газета», Москва).

«“Красная площадь” – смесь реальности и авторской выдумки, написана в стиле типичного американского триллера в соединении с глубиной и сложностью русского романа» («Файнэншл таймс», Великобритания).

«“Русская семерка” – захватывающий триллер, любовный роман и панорама жизни современной России» («Нью сосайети», Великобритания).

«В “Красном газе” Эдуард Тополь превзошел свои предыдущие романы и выдал захватывающий

вающий триллер... Богатый набор характеров, полных человеческих страстей, мужества и надежд... С прекрасной сибирской натурой и замечательной главной героиней, это глубокая и волнующая история...» («Сёркус ревью», США) .

«“Любимые и ненавистные”... – бездонное море удовольствия. Притом гарантированно-го...» («Известия», Москва) .

«“У. е.” – наилучший из лучших триллеров Тополя. Супер!» (Сергей Юрьенен. Радио «Свобода») .

«Роман Тополя о “Норд-Осте” читать и горько, и тяжело, но отложить невозможно» («Версия», Москва) .

«В романе «Бисмарк», как в поэзии, больше волнующих вопросов, переворачивающих твое сознание, чем суждений на историческую тему... Романист владеет искусством ускорять сердцебиение читателя. От первого очарования княгиней Кэтти, а потом подсознательного и, может быть, реального чувственного вожделения страдающего героя, Тополь страстно и умело делает читателя своим единомышленником» («МК», Москва) .

«Читайте Тополя!» («Бильд», Германия) .

КНИГИ ЭДУАРДА ТОПОЛЯ ИЗДАНЫ В США, АН-
ГЛИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ГОЛЛАН-
ДИИ, НОРВЕГИИ, ПОРТУГАЛИИ, ШВЕЦИИ, ФИНЛЯН-
ДИИ, БЕЛЬГИИ, ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШЕ,
ЯПОНИИ И В РОССИИ.

Часть первая

Принстон. 2010

1

По утрам на парковой дорожке вдоль берега узенького канала Делавэр в Принстоне, Нью-Джерси, вы можете встретить кого угодно – и первокурсников Принстонского университета, и его профессоров, и даже лауреатов Нобелевских премий. А помимо знаменитого университета в Принстоне и в прилегающем Плейнсборо есть еще Институт передовых исследований, Лаборатория физики плазмы, Геофизическая лаборатория динамики жидкости, Исследовательский ядерный реактор и два десятка фирм высоких технологий международного уровня.

Потому рано утром, часиков с шести, когда солнце только-только пробивается сквозь парковую листву, беговые дорожки принстонских окрестностей оживают хрустом кроссовок по песку, мельканием голых ног, шумным дыханием бегунов и ритмичным колыханием грудок юных бегуний. Поскольку те, кто следят за своим здоровьем, стараются соблюдать режим и бегать в одно и то же время, тут все знают друг друга если не по именам, то в лицо. А про женские фигуры

и говорить нечего – мелкокалиберные китайянки, смолеволо-
сые индуски, тяжелостопые ирландки... и все, конечно, в на-
ушниках и с айфонами на поясе, все на бегу слушают музыку
или курс биржевых акций и старательно кивают при встрече:
– Привет!... Доброе утро!..

Поэтому, когда на тропе появилась Валенсия...

Она прекрасно видела, какое производит впечатление на
своих гендерных коллег и на яйцеголовых профессоров и
ученых. Шок, вау! ой, блин! вот это да! Выстрел наповал –
вот чем было ее появление для мосластых, с ранними залы-
синами носителей ученых степеней и мужских достоинств,
или что там у них имеется между ног. А про едкие взгля-
ды, которыми принстонские аборигенки старались сделать
ей подсечку, и говорить нечего. Но Валенсия бежала, не об-
ращая внимания ни на тех, ни на других. Она знала себе це-
ну – метр семьдесят шесть юной женской плоти на длинных
ногах, в укороченных шортиках на спелых бедрах и в откры-
том топе «Nike», поддерживающем такую грудь, – нет слов!
При этом ее голова с огромными темными глазами и коп-
ной каштановых волос, перехваченных банданой, поднята в
гордом полете, а на губах – этакая пренебрежительная полу-
улыбка двадцатитрехлетней Мадонны. Короче – улёт!

Ясное дело, мужики буквально спотыкались в десяти мет-
рах от нее, их нижние челюсти падали до земли и дыхание
пресекалось. А она, усмехнувшись, пробежала мимо, обдав
их медовым запахом своего роскошного тела.

Иногда кое-кто из них отважно увязывался за ней и бежал рядом, пытаясь завязать знакомство. Но Валенсия лишь прибавляла скорость, и максимум через сто или двести шагов они отставали, уныло глядя ей вслед. А она каравеллой летела дальше, торжествующе выбрасывая вперед свои роскошные ноги, как лошадка-фаворит на призовых скачках.

При виде нее даже утки, плавающие в желтой ряске канала, начинали вдруг похрюпывать между собой, словно обсуждая эту невесть откуда взявшуюся красотку. И белки, абсолютно черные вопреки своему названию и еще минуту назад азартно гонявшиеся друг за другом, замирали на верхней ветке молодого дуба, провожая Валенсию остро любопытными глазками. А порой в глубине лесопарка, за ветвями деревьев с их плотными после весенних дождей листьями, можно было углядеть даже семейку пугливых оленей, картинно замерших на солнечной прогалине.

Конечно, и тот, ради кого Валенсия вставала в 6.45 утра, чтобы ожившей Венерой пробежать мимо него в 7.17 по Саус-Харрисон-стрит к мостику через канал, при первой же встрече с Валенсией остановился, потрясенный, и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за спуском к маленькой пристани с табличкой «Rental Canoe» («Прокат каноэ»). И потом каждое утро, ровно в 7.17, она стала попадаться ему, и он видел, как точно так же, как он, слетают с ее пути в нокаут и протрацию и атлеты-старшекурсники университета, и лысые профессора, и нобелевские лауреаты, бегающие трусцой

от инфаркта. Но что-то неясное, что-то мимолетно-ободряющее было в ее быстром взгляде – или ему показалось? – но через две недели и он не выдержал, дождался ее на тропе, сделал рывок и побежал рядом:

– Минутку, леди! Вы знаете, что вам запрещено тут бегать?

Даже не повернув головы, она с усмешкой бросила на бегу:

– Это еще почему?

– Потому, что при вашем появлении уже три нобелевских лауреата получили тут сердечные приступы. Вы губите наших лучших ученых.

– Но вы же не нобелевский лауреат, – снова усмехнулась она и прибавила ходу.

Поджарый и одного с ней роста сорокатрехлетний скакун с сильными ногами, узкой грудью, римским профилем и намечающейся проплешиной на затылке, он, однако, тоже прибавил и сказал, не теряя дыхания:

– Еще нет. Но буду через три года.

Она, не останавливаясь, покосилась на него:

– Откуда вы знаете?

– Это я расскажу вам вечером в клубе «Шестнадцать». Знаете такой?

– Нет. – И она еще наддала скорость, явно проверяя его на прочность. – А с чего вы взяли, что я пойду туда?

Но и он уже закусил удила – мол, черта ты убежишь от

меня!

– Вы и не пойдете. Это закрытый клуб, без меня вас не пустят.

– Неужели? – Она засмеялась, не снижая темпа. – Еще не было клуба, куда бы меня не пустили.

– Замечательно! Спорим! Приходите в девять вечера в клуб «Шестнадцать» на Ленокс-Драйв. Если вас пропустят одну, я плачу за вас весь вечер.

– А если нет?

– А если нет, то я вас проведу и тоже буду платить за вас весь вечер.

– Гм... – улыбнулась она, снизив скорость. – Я Валенсия. А ты?

– Этот клуб был открыт еще во времена Эйнштейна. Ну, или чуть позже, – сказал ей Марк Меланжер в тот же вечер. – Легенда утверждает, что шестнадцать профессоров и лауреатов Нобелевских премий скинулись тогда по десять тысяч баксов и купили у Фонда Карнеги это поле для гольфа и особняк для своих научных конференций. Правда, теперь принстонский Карнеги-центр опровергает эту легенду. Они говорят, что Фонд Эндрю Карнеги не только подарил нам и клуб, и особняк, разбил тут мини-парк а-ля Версаль, но и учредил для клуба ежегодное пособие. Как бы то ни было, сегодня «Гольф-клуб “Шестнадцать”» в дневное время – самый престижный интеллектуальный центр «Только для докторов наук», а после восьми вечера – самое элитное ночное заведение «Только для членов клуба». При этом, как видишь, тут выступают даже знаменитые шоу-звезды...

Они сидели в баре на крыше клуба, а внизу, в парке а-ля Версаль Уильям Джонсон пел для членов клуба свой новый крутой хит «Happy lady», «Счастливая леди».

– Откуда ты? – После первого же мартини Марк наклонился к Валенсии, и медовый запах ее оголенного плеча и открытой шеи оглушил его, как первый вдох марихуаны.

– Из Майами, – отозвалась она, и ее роскошные волосы шелково коснулись его щеки.

– Там родилась?

– Да...

Поскольку песня Джонсона набирала громкость, разговаривать им пришлось короткими фразами.

– Но ты кубинка, не так ли?

– Точно.

– А родители беженцы?

– Вроде того.

Ее загорелые плечи и крутая линия груди, уходящая под верхний край легкой блузки, кружили ему голову, и она понимала, что он придумывает новые вопросы только для того, чтобы наклоняться к ней.

– То есть твоя семья в Майами?

– У меня нет семьи. Мама уже там... – Валенсия показала пальцем на темное небо над нами.

– Извини... Будешь еще мартини?

– Буду.

– Стив! – позвал он бармена. – Сделай нам два двойных.

Валенсия усмехнулась:

– Решил меня спойть? Забудь.

– Уже забыл, – согласился он. – А твой отец жив?

– Хочешь просить у него моей руки?

Он смешался:

– Ну... Пока нет...

Внизу, на эстраде Уильям Джонсон уже пел «Где же ты, Мэрилин Монро?». Стив поставил перед ними два новых бо-

кала с мартини. Марк пригубил свой и снова наклонился к Валенсии:

– Но ты учишься в Принстонском универе? На каком факультете?

– На экономическом. – Валенсия полными губами тоже коснулась мартини.

– Круто! И живешь в общежитии?

– Да.

Он удивился:

– А бегаешь в парке Делавэр? Но ведь это далеко! Зачем? Валенсия вновь повернулась к нему и посмотрела в глаза:

– Честно?

– Конечно!

Она усмехнулась:

– Ищу миллионера.

– Ну-у... – Он не понял, шутка это или... – В Америке миллион миллионеров. Даже в Майами пойдешь в любой клуб...

– А я не хочу в любой, – перебила Валенсия. – Я хочу миллионера, который будет миллиардером.

– Как Билл Гейтс?

– Хотя бы как Цукерберг.

– А зачем?

– А, по-твоему, такая женщина не достойна миллиардера?

Он окинул ее оценивающим взглядом, сужающимся на ее лице. На этом лице не было ни тени улыбки, и Марк понял:

она не шутит. И это задело его самолюбие – какого черта эта кубинка говорит ему, что он-де и не нобелевский лауреат, и не миллиардер? Что она хочет этим сказать? Что он ее не достоин? Ладно, сейчас он ей ответит.

– Ты хочешь тоже честно?

– Да, – улыбнулась она.

– Есть такой старый фильм «Красотка». Там Ричард Гир платит Джулии Робинс три штуки за неделю. Видела его?

Повисла пауза. Валенсия, не отрываясь, смотрела ему в глаза, и он решил, что перебрал, что сейчас она плеснет ему в лицо свой двойной мартини. Но вдруг усмешка тронула ее глаза и губы:

– Я стою в тысячу раз дороже.

То есть она сама – студентка Принстона! – объявила, что продается. Конечно, цену назвала запредельную, но он с ней сквитался и, черт возьми, – торг открыт! Марк расслабленно улыбнулся:

– Хорошо. Я дам тебе две штуки.

Снова пауза. Валенсия, отвернувшись, молчала – не то готовилась дать ему пощечину, не то обдумывала его предложение. Затем одним глотком допила мартини и повернулась к Марку:

– А ты видел «Тутси»?

– Это где Джессика Лэнг выплеснула шампанское в лицо Дастину Хоффману?

– Да. Закажи мне еще мартини.

Нужно отдать ему должное – он не струсил, а повернулся к бармену:

– Стив, еще мартини. Меня в нем искупают.

Она усмехнулась:

– Ты смешной и храбрый. Ты мне нравишься.

– Пять штук!

Валенсия взялась рукой за ножку нового бокала, и Марк снова напрягся, ожидая мартини в лицо.

– О'кей, – сказала она. – Вот мой ответ: первая ночь даром. Но если ты захочешь вторую – десять штук. А если третью – сто. Идет?

Он тут же встал:

– Пошли!

Но она не шевельнулась.

– Остынь. Сначала ты принесешь мне свой свежий анализ крови PCR – полимеразной цепной реакции¹.

Марк изумился:

– Анализ крови? Зачем?

– Потому что я не терплю презервативы.

¹ Метод диагностики инфекций, в том числе ВИЧ.

В его доме не было ни Уильяма Джонсона, ни Мелани Торнтон, ни даже «Энигмы» или «Deep Forest». Оно и понятно – Марк был серьезным ученым, доктором наук, и он не врал про нобелевскую через три года. Автор четырнадцати патентов в области нанотехнологий и шести публикаций в журнале «Science»², который печатает статьи только с одобрения двух рецензентов – лауреатов нобелевки, – он год назад получил Национальную медаль технологий и новаций за теорию создания сверхъёмких наноаккумуляторов и теперь двигал эту теорию к практической реализации, которая сделает полную революцию в энергетике.

Поэтому Марк не держал у себя даже Майкла Джексона, они – он и Валенсия – трахались под Иоганна Себастьяна Баха в исполнении Дона Дорси на его замечательном синтезаторе.

Впрочем, «трахались» тут не совсем корректно, потому что это Валенсия трахала Марка. Хотя и слово «трахала» не передает те ощущения, которые испытывал Марк в эту ночь...

Стоп! Только, пожалуйста, не стройте надменную мину и не закатывайте пренебрежительно глаза. Я пишу не для пуритан, а для взрослых людей, у которых есть сексуальный

² «Science» – «Наука».

опыт, и, возможно, немалый. Да и Марк в свои сорок три тоже кое-что знал в этой области.

Но то, что делала с ним Валенсия...

Хорошо, я не прошу вас верить мне на слово. Мы живем в эпоху Гугла. Поэтому наберите в Гугле «интимные мышцы» или «вагинальные мышцы» и сами прочтите, как и чем китайские жрицы любви и японские гейши ублажали своих императоров. А для тех, кто не умеет пользоваться компьютером, цитирую:

«Когда вы научитесь с помощью своей оргазмической манжетки выполнять «тугой ввод», после которого желательно применить «крепкие объятия»... когда вы сможете расширять и сжимать вагину, делать толчки шейкой матки навстречу фаллосу партнера, волнообразно сжимать мышечные кольца вагины вокруг него, зажимать полностью фаллос, присасываться к нему шейкой матки, тогда...

Да, научиться управлять вагинальными мышцами сложно, но именно управление всеми тремя отделами вагины сможет доставить и вам, и вашему партнеру неземное удовольствие...»

Теперь, если вы не ханжа, то понимаете, о чем я?..

Загорелой махой Валенсия сидела на Марке, не шевелясь, и ему не позволяла шевельнуть даже пальцем. А в это время там, в ее горячей штольне, «крепкие объятия» ее ликующих

вагинальных колец волнообразно гуляли вверх и вниз по его напряженному пенису, зажимали его и отпускали, присасывались шейкой матки к его головке и обсасывали этой шейкой так...

О Господи! – мысленно стонал Марк от неожиданного блаженства. Так вот что такое *Божественное* наслаждение! Вот почему Женщина – *Настоящая* Женщина – названа венцом Твоего творения! Не за ангельский характер, не за прелестную грацию, не за улыбку Джоконды – это все внешнее и показное, а вот за этот сокровенный Дар управления вагинальными мышцами, которые в ритме баховской токкаты то нежно, то мощно, то мягкими щупальцами, то широкими ластами летают, ластятся и дрожат на его Корне Жизни. Закрыв в истоме глаза, утонув в неземном блаженстве и открыв рот для тихого стога, он потянулся руками к ее налитым грудям, чтобы смять их и зажать пальцами ее шоколадные соски. Но она резко прижала его руки к постели:

– Не двигайся! Замри!

О, этот Бах! Валенсия не была проституткой, она была профессионалкой совсем в другой области. Мастерство управления своими вагинальными мышцами она осваивала с детства, но даже когда в шестнадцать она в награду за свои выдающиеся успехи получила два спаренных позолоченных шарика с гравировкой «*Final Argument*», последний аргумент, – даже тогда никто из ее наставниц не предполагал, что ей придется делать это под музыку Баха. Конечно,

к двадцати трем годам ей уже попадались любители музыки, которые предметно демонстрировали ей, что и Моцарт, и Шопен черпали мелодии своих этюдов и сонат из собственных сексуальных утех и импровизаций и записали нотами волны этих чувственных штормов и цунами. Но Бах? Великий церковный органист Иоганн Себастьян Бах?! Чтобы свои токкаты и фуги он писал для управления женскими интимными мышцами? К этому ее не готовили, и Валенсия с изумлением вслушивалась теперь в то, что происходит в нижней части ее тела. Не она мастерски управляла этим процессом, нет – там, в ее разгоряченном жерле победные ритмы баховской «Токкаты» вдруг властно подчинили себе ее влажные, горячо-упругие мышцы и в темпе аллегро заставили их играть на мужском Корне Жизни свою вихревую музыку.

Конечно, поначалу Валенсия возмутилась таким самоуправством этих мышц и мысленно приказала им сменить ритм, выйти из-под контроля этой чертовой токкаты. Но бесполезно! Мышцы, ее тренированные с детства мышцы, которыми даже шарик со шнурком к наружной килограммовой гирьке она могла зажимать так, что с грузом между ног не только ходила, но поднималась и спускалась по лестнице! – эти самые мышцы вдруг отказались подчиниться ей, а улетели в экстазе за победной музыкой Баха. И самое главное – они еще стали диктовать эту музыку ее телу и чувствам, они, эти крохотные на самом деле мышцы, вдруг так гиперболи-

зировались в ее сознании, что слились со всеми регистрами баховского органа и повели, повели ее всю к совершенно новому блаженству. Господи, так вот, оказывается, что испытывает музыкант, когда исполняет великую музыку! Вот как он чувствует инструмент, на котором играет! Обнимать, ласкать, нежить, сжимать, вылизывать и даже в ритме токкаты обсасывать этот живой, горячий, напряженный и трепещущий инструмент, слыша жаркую пульсацию крови в его набухших венах, – господи, какой же это кайф, легкие разрываются! Еще! Еще! Выше! Волнообразно сжимать мышечные кольца своей вагины вокруг него и тащить его вверх, дальше, в себя, и, делая толчки шейкой матки навстречу ему, одновременно тереться о него своей сакральной точкой «G» – да! Так! Так! Еще! И еще! Боже мой!..

Полное слияние всей женской плоти с мужским Корнем Жизни – вот в чем, оказывается, высшая миссия нашего земного существования! И пусть все пуритане мира твердят нам о других целях – труд, созидание, прогресс, построение общества социального равенства и т. д., – сами-то они что испытывают в моменты любовного экстаза?

А когда мощные трубы баховского органа победно, вместе с сердцем и маткой Валенсии, взлетели в Grand Clavier – о господи! – ядерным взрывом вдруг сотряс ее оргазм, – так, словно вселенная ее матки рухнула в черную космическую дыру и, падая, распалась на мириады звезд по Млечному Пути его, Марковой спермы...

По бешеным спазмам ее матки Марк ощутил, что это конец, но, в отличие от всех других женщин, с которыми он когда-либо занимался сексом, Валенсия, даже истощенная, не упала на него, сотрясаясь от своего оргазма – о, нет! К его изумлению, она продолжала сидеть на нем совершенно прямой античной статуей, этакой рукастой Венерой Милосской с юной грудью торчком, темными сиреневыми сосками и откинутой назад головой. И только прерывистое дыхание сквозь открытые губы, за которыми нежно мерцали влажные зубы, дыхание, от которого ее налитые вожделением груди тихо вздымались и опускались, – это дыхание говорило ему об ее усталости от только что исполненной ее интимными мышцами великой баховской «Токкаты и фуги в до минор». Но глаза ее были закрыты, словно она, не шевелясь, изумленно вслушивалась в себя. Так настоящий музыкант, удачно сыгравший на публике сложный концерт, еще не слышит оваций зала, а продолжает слушать в самом себе раскаты сыгранной музыки...

Но тут, после небольшой паузы, вкрадчиво, почти неслышно выплыла из динамиков и поплыла сначала над их кроватью, а потом над домом Марка и выше над Принстонам и всем ночным мирозданием вторая часть «Итальянского концерта фа мажор BWV 971» Баха. И оба – и Марк, и Валенсия – вдруг ощутили, как Там, в ее Лагуне, удерживающей то, что осталось от его опавшего Корня Жизни, вдруг столь же музыкально-нежно и вкрадчиво ожили лепестки ее

вагинальных мышц, как они тихо, в миноре стали касаться его спящего карлика, призывая его к подъему и росту. Так индийский факир своей волшебной дудочкой будит спящую в его корзине кобру и поднимает, поднимает ее все выше и выше... Так в мультипликационном фильме растет и распускается волшебный Аленький цветочек... И так ласкающая музыка Баха и вторящие ей трепетные касания сразу десятка влажных язычков внутри горячей штольни Валенсии оживляли, вздымали и растили из карлика в исполина его, Марка, фаллический Корень Жизни. То, что хотя бы после получасового, за соитием, сна опытные женщины делают с этим Корнем своими губами, языком и гортанью, Валенсия, не шевелясь, делала только вагинальными мышцами. Больше того, Марку показалось, что на этот раз нежные, как музыка Баха, кольца этих мышц своими упруго-восходящими движениями взрастили и вытянули этот Корень выше всех его прежних размеров – так, что он не только достиг шейки ее матки, но и прошел в нее! И теперь Валенсия, сидя на нем с закрытыми глазами и раскачиваясь, как Стив Вандер, лишь плечами и головой, вместе с Иоганном Себастьяном Бахом дуэтом играли на его гиперболизированном фаллосе эту прекрасную, все нарастающую и – аллегро! аллегро! – убыстряющуюся мелодию. Да, на сей раз Валенсия уже не противилась Баху и не сопротивлялась его музыке. Наоборот, как музыкант-виртуоз, вдохновившись космическими мирами гениальной музыки, сам становится соавтором

и партнером композитора и радостно, вдохновенно ведет и даже тащит слушателя в эти заоблачные миры, так и Валенсия вдруг ощутила себя не исполнительницей тайной миссии, задуманной где-то вдали от этой постели, Принстона и, вообще, от США... Нет, теперь, на втором раунде их дуэта, Валенсия вдруг почувствовала, что отдается сразу двум сексуальным партнерам, и это соитие с Иоганном Себастьяном Бахом и с Марком Меланжером кружит ей голову и пульсирует ее интимными мышцами с такой силой, что колотит сердце и матку.

А Марку казалось, что, поддавшись пульсации ее сладостной штольни, он весь, всей своей плотью и даже черепом, ушел в свой фаллос и вырос в нем до небес, как минарет стамбульской мечети, как золоченый купол ватиканского собора Святого Петра и как башня кафедрального собора Святого Мартина в Утрехте, в Нидерландах! Волны музыки слили их в одно единое тело, подчиненное волнам чувственности.

«Господи! – снова молился Марк, – что за сладостную пытку Ты изобрел! И если Ты сделал нас по Своему образцу и подобию, то как часто Ты позволяешь Себе такие небесные удовольствия? Ведь не мог же Ты подарить *это* нам, грешным, не испытав *это* Сам! Так какую же Валенсию Ты сделал для Себя, Господи? Или Ты един, сочетая мужское и женское в Себе постоянно, всегда, во веки веков, аминь!»

Впрочем, на этом его богохульство пресеклось, потому

что пресеклось вдруг его дыхание. Да, продвинув головку его фаллоса в устье матки, обольстительно могучие кольца внутреннего питона Валенсии этим не удовлетворились. Подчиняясь музыке, они продолжали вращивать его Корень Жизни и, обжимая его, с такой силой гнать по его венам все новую и новую кровь, что Марк невольно вздыбился аркой в постели, подняв на себе свою кубинскую наездницу.

И тут же получил увесистый шлепок по заднице:

– Лежать! Не двигаться!

– Я не могу... – хрипло выдохнул он, чувствуя, как его сердце подкатило к горлу и перекрыло дыхание. – Кончаю...

– Нет! Еще минуту!... – сорвавшимся шепотом крикнула Валенсия, мощным спазмом всех своих вагинальных мышц схватив и зажав весь его фаллос от корня до самого верха.

Летела к катарсису музыка Баха. И Марк вдруг покорно понял Валенсию. Это у пчел царица-матка, воспарив из улья в небо, подпускает к себе самого сильного самца, чтобы, спарившись с ним, в последний момент откусить ему голову, потому что только обезглавленный он кончает. Но у людей все иначе. Марк не имеет права ни умереть, ни кончить, пока не кончит она, Валенсия. А ей, чтобы кончить...

О господи! Такого аллегро в пульсации ее жадных и нежных, хищных и ласковых интимных мышц... да что там аллегро, – нет, такого престиссимо не знали ни Его величество Иоганн Себастьян Бах, ни Его сиятельство Паганини! Смерть и оргазм – где рубеж меж ними? Не оргазмом ли до-

вела Рафаэля до смерти его юная любовница?

Марк замер, распахнув рот и остановив дыхание так, словно нырнул на дно Мертвого моря или прыгнул без парашюта с космической высоты.

И Валенсия буквально трепетала на нем, как под электрическим током напряжением тысячу киловатт!

Я не знаю, были бы они живы сегодня и читали бы вы эти строки, если за миг до разрыва всех Марковых аорт и артерий оба – и Марк, и Валенсия – не разрядились таким мощным оргазмом, что их тела синхронно опустели и обмякли, и Валенсия – наконец! – всей своей прекрасно тяжелой грудью бессильно упала на его узкую плоскую грудь. Марк обнял ее за упругие ягодицы и лежал, слушая, как колотится ее молодое сердце, и тихо целуя ее шею и плечи. А потом чуть пошевелил бедрами, пытаясь извлечь из ее штольни свой слабеющий Корешок.

– Нет! – тут же сказала она беззвучным шепотом. – Даже не думай!

Марк испугался – неужели она хочет уснуть, не выпуская его из себя? Конечно, это было бы божественно, но сможет ли он спать, держа ее на себе? Не лучше ли им обоим, не раскрывая объятий, лечь все-таки на бок?..

Он согнул в колене правую ногу, чтобы, упершись ею, уложить Валенсию рядом с собой. И тут же услышал:

– Нет, нет! Подожди. Слышишь?..

И он услышал... «Diverse Kanons, BWV 1087» все того же

Иоганна Себастьяна. И не только он, нет, Валенсия, лежа на нем неподвижно, тоже слушала эту поначалу легкую и игриво воздушную мелодию самых верхних нот синтезатора Дона Дорси. Но через минуту...

Хотите верьте, хотите – нет, но там, внизу, в только что совершенно, казалось бы, опустошенной штольне Валенсии, извергшей из себя все свои соки до последней капли, вдруг, поддавшись ритму и энергии музыки, стали набухать, оживать, шевелиться и двигаться все те же сакрально божественные Интимные Мышцы! И мало того, что они ожили и зашевелились, так еще и затанцевали вокруг его истощенно-ужавшегося и спрятавшегося в самого себя крошки Цахеса. Теперь, не в пример прошлым своим стараниям, эти мышцы не обжимали его, не тянули и даже не ластились к нему своими горячими лепестками. Нет, теперь они только нежно, в касание подлизывали его и трепетно дрожали у его крайней плоти...

Друзья мои, что вам сказать? Если я скажу, что за эту ночь восстание Марка из мертвых и воспарение Валенсии на Плато Оргазма, равное по высоте вершине Килиманджаро, случилось с ними нон-стоп ровно двенадцать раз, вы не поверите – мол, так не бывает. Или скажете, что автор бесстыжий порнограф, «смакующий и эксплуатирующий самые низменные»... ну, и так далее. Ладно, милые дамы, говорите что хотите, только сначала зайдите все-таки в Гугл и прочтите, как вам тренировать свои интимные мышцы. А когда освои-

те это мастерство и с помощью Баха примените его на практике, тогда сверьте, пожалуйста, свои ощущения с ощущениями наших героев...

А я продолжаю свое повествование о самых возвышенных, на мой взгляд, материях, подаренных нам Всевышним. В 6.30 утра, когда после короткого сна Валенсия, одеваясь, спросила у Марка, побежит ли он сегодня на утреннюю пробежку, Марк, чувствуя себя пустым, как наволочка без подушки, только промычал что-то совершенно бессильное и тут же провалился в сон, глубокий, как обморок.

Хотя Валенсия, стоя у зеркала, и привела себя в полную женскую боевую готовность к выходу на люди, она не собиралась никуда уходить. Наоборот, она с изумлением любовалась сама собой. Такой красивой она себя еще не видела и не знала. И дело отнюдь не в косметике – Валенсия и в обычные дни, а тем паче по утрам никакой косметикой почти и не пользовалась. Дело в двенадцати оргазмах, после которых любая женщина чувствует себя воздушной ангела, ее глаза сияют солнечными протуберанцами, а фигура обретает грацию Майи Плисецкой и игривость Одри Хепберн. словно физическое тело, очищенное оргазмами, распахнуло и просветлило всю карму вокруг нее...

При этом я отнюдь не скрываю предыдущие сексуальные похождения моей героини. Как уже было сказано, она была профессионалкой, удостоенной золотого диплома «The Final Argument». И конечно, в ее практике случались восхождения на Плато Оргазма и победные падения с него в пропасть чувственного удовольствия. Но таких Ниагарских водопадов, на которые вдохновил ее Его Величество Бах...

Валенсия усмехнулась, слыша глубокое, с прихрапом дыхание Марка. Налюбовавшись собой, она босиком прошла по прямоугольным солнечным пятнам, упавшим из окон на дубовый паркетный пол, вышла из спальни и по винтовой

лестнице спустилась в большой и тоже залитый солнцем холл с легкой современной мебелью, плазменным телеэкраном на одной стене, яркими абстрактными картинами на остальных стенах и комнатным роялем «Беккер». Вчера вечером Марк так спешил уложить ее в постель, что отказался сыграть ей на этом рояле ее любимую «Лунную сонату», сказал только, что после окончания школы долго колебался, куда поступать – в Джульярд³ или в МИТ⁴...

Валенсия подошла к роялю и провела рукой по черной блестящей крышке клавиатуры. Когда-то, в детстве, в элитном пионерском лагере «Ласточка» на берегу Черного моря, учительница музыки говорила ей, что у нее абсолютный слух и ей нужно учиться музыке всерьез и профессионально. Но всерьез и профессионально их учили там совсем другому...

Валенсия не стала открывать рояль, она не собиралась будить Марка. Из холла можно было выйти куда угодно – и через прихожую на Харрисон-лэйн (там какой-то подросток, объезжая улицу на взрослом трехколесном велосипеде с корзинкой у руля, бросал свернутый в трубочку «Нью-Йорк Таймс» у крыльца каждого дома), и через крытую веранду во двор с плавательным бассейном, и в кабинет-библиотеку, и на современную кухню. Дом у Марка хоть и старинный, то есть в колониальном стиле, но в нем наверняка

³ Джульярд – Джульярдская музыкальная школа, дающая высшее музыкальное образование (США).

⁴ МИТ – Массачусетский технологический институт.

не так давно был капитальный ремонт...

На кухне, тоже обновленной, Валенсия легко нашла электрический чайник, кофе «Nestle» и бумажный, из «Healthy Food», «Здоровая еда», пакет с бубликами-bagels, а в холодильнике сырный крем и коробку с апельсиновым соком. Стандартный мини-набор холостяка. Пока закипала вода в чайнике, Валенсия выпила стакан сока и согрела себе в тостере две половинки бублика. А заваривая тяжелую, с гербом МПТ, чашку кофе по-американски, намазала обе половинки мягким филадельфийским сыром. Поставила все это на поднос и понесла... нет, не на второй этаж в спальню Марку Меланжеру, а, прихватив по дороге через холл свой заплечный ранец-рюкзачок, – в его кабинет-библиотеку на первом этаже. Здесь она уверенно села за широкий письменный стол, заваленный книгами по кибернетике, физике, математике и журналами «Science». И удобно поставила рядом с компьютером поднос со своим завтраком. Вчера вечером, когда Марк, дрожа от нетерпения, привез ее в этот дом, она, выйдя из ванной уже совершенно голой, только в полотенце, обернутым вокруг груди, «вдруг вспомнила», что должна срочно отправить своей профессорше Синди Кролл реферат по психологии финансовых кризисов – в двенадцать ночи dead line, последний срок! Не может ли она с компа Марка на минуту зайти в Интернет? Конечно, Марк не мог ей отказать. Вдвоем они пришли сюда, Марк включил свой «Mac», Валенсия голой попкой скромно села рядом на кра-

ешек стула и легко запомнила пароль «Mynewscorp», который Марк набрал на клавиатуре. Затем на глазах у Марка она вошла в свой ящик *ValenciaRiez@comcast.net*, подключила к «Мас» свою крошечную флешку и отправила профессору Кролл свой реферат «Психология финансового кризиса 2008 года». «Ого!» – восхитился Марк ее финансовым интеллектом, а она кокетливо чмокнула Марка в ухо, лихо увернулась от его объятий и обещающе побежала в спальню...

Теперь она сама включила «Мас» и набрала на клавиатуре пароль «Mynewscorp». На экране высветилась сотня крохотных иконок – папок с надписями «Nano Experiments2007», «Nano Experiments2008», «Nano Experiments2009», «Nano Tests2001», «Nano Tests2002» и портфелей «Nanotechnology», «Nano-Calculations» и т. п. и т. д. Валенсия наугад открыла одну из них. Какая-то конструкторская документация, формулы, графики и таблицы. Значит, это то, что нужно, не зря она больше месяца каждое утро в 7.17 бегала вдоль канала Делавэр. Отпив глоток горячего кофе, Валенсия уверенно зашла в браузер, а с него в свой второй, зашифрованный только цифрами, почтовый ящик в yahoo.com и легко перетащила в него для копирования весь жесткий диск этого компьютера объемом памяти в четыре терабайта. Конечно, четыре терабайта не копируются за секунду, но Валенсия и не спешила. Вкусно откусывая от бублика с мягким сыром и попивая кофе, она посмотре-

ла через окно на зеленый, со старыми липами и небольшим плавательным бассейном задний дворик, потом прошлась по кабинету, разглядывая портреты предков Марка на стенах, мудреные книги на книжных полках и Национальную медаль технологий и новаций, висевшую в рамке под стеклом над письменным столом. Рядом была, конечно, и большая цветная фотография Барака Обамы, который вешает эту медаль Марку на шею. А прямо под этой фотографией, на столе, заваленном книгами, лежало письмо на бланке Института передовых технологий, Валенсия взяла его в руки.

Advance Technology Institute

Personal to:

Professor Dr. Sc. Mark Melanger,
Chief of Nanotechnology Lab⁵

Лично профессору, доктору наук Марку Меланжеру,
Заведующему лабораторией нанотехнологий

По сообщению Министерства обороны, военный бюджет на 2011 год урезан до 667,7 миллиарда долларов. С целью экономии бюджетных средств Белым домом прекращены программы приобретения истребителей F-22 «Раптор» и транспортных самолетов C-17A «Глобмастер-3», лазеров воздушного базирования ABL, трансформируемой спутниковой

⁵ Институт передовых технологий.

системы связи TSAT, закрыты программы разработки альтернативных двигателей для истребителей F-35 «Лайтнинг-2» и сетевой системы управления NECC. Значительно сокращена программа «Боевая техника будущего», ассигнования на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки составят лишь 76,8 миллиарда долларов. К числу перспективных направлений отнесены:

«Программа модернизации ВВТ», создание системы ПРО, истребителя F-35 «Лайтнинг-2», зенитно-ракетного комплекса «Стандарт-3», патрульного самолета P-8A «Посейдон», самолета-заправщика KC-X, системы навигационного обеспечения GPS III, высокоорбитальной системы обнаружения пусков баллистических ракет SBIRS, системы спутниковой связи A111F и спутниковой связи для мобильных абонентов MLOS.

Бюджет 2012 финансового года должен сократиться еще на 12 миллиардов долларов...

Дальше Валенсия читать не стала, поскольку эпловский «Мас» – машина мощная, и ровно через полторы минуты весь экспериментальный багаж, а также научные статьи и работы Марка были скопированы в ее «облачный» почтовый ящик. На всякий случай сфоткав на свой айфон письмо про сокращение военного бюджета, Валенсия выключила компьютер и, удовлетворенная своей блестящей ночной и утренней работой, покинула наконец этот радушный дом прекрасной музыки, вкуснейшего секса и бесценных работ по созда-

нию сверхъёмких наноаккумуляторов.

Если вы намерены выбрать себе один из лучших университетов в мире из «Лиги плюща», то приезжайте в Принстон в апреле или в мае. Потому что все остальные сведения о Принстонском университете: его рейтинге, стоимости обучения, профессорском составе и удобном расположении – час до Филадельфии, час двадцать до Нью-Йорка и всего три часа до Вашингтона, – вы можете найти в Интернете. А вот увидеть старинный университетский городок, утопающий в буйном цветении розового кизила, – это нужно видеть своими глазами! Говорят, что когда советский президент Горбачев первый раз приехал в Сан-Франциско, он сказал, что с жителей этого города нужно брать налог за прекрасный воздух. Наверное, в стоимость обучения в Принстонском университете – от 47 000 до 57 000 долларов за год – половину составляет налог за цветущий в апреле кизил...

Но Валенсия выбрала Принстон не за его красоту. А если честно, не она его выбирала. Те, кто ее сюда направил, вряд ли учитывали прекрасное апрельское цветение местных деревьев. Их интересовали сливки американских ученых мозгов, собранные в Принстоне и его окрестностях, как мед в улье. Поселить своего резидента в этот улей, дать ей обжиться тут и не спеша, небольшими порциями отсасывать этот мед...

Да, к июню месяцу, с которого началось наше повествование, пышный розовый кизил уже отцвел. Но Валенсию это не огорчало. На следующее после ночлега у Марка Меланжера утро она легкой походкой покорительницы мира уверенно шла по залитой солнцем центральной Нассау-стрит. Здесь снимались знаменитые фильмы «Явление», «Трансформеры: месть павших», «Через Вселенную», «Игры разума» и здесь же Мег Райн и Тим Роббинс целовались в фильме «Коэффициент интеллекта».

А теперь героиней блокбастера Валенсия чувствовала сама себя. Да, всё получается, всё ей дается легко, даже покорение будущих Нобелевских лауреатов и экспроприация их новейших открытий – просто *pièce of cake*, проще простого! Буквально через несколько минут она в обмен на свой маленький жесткий диск получит десять тысяч долларов и новый заказ. Конечно, все четыре терабайта Марка можно было отправить заказчику через «облако», но ведь обратно через «облако» наличные не получишь.

И пусть ее добыча стоит куда больше десяти «гранов», но истинную цену этой добычи знает только один человек, который из Парижского модельного агентства «Camilla» отправит эти терабайты в Москву. При этом полный гонорар Валенсии составляет двадцать тысяч баксов, но десять из них пойдет на погашение ее долга перед хозяином «Камиллы». А для Валенсии и десять тысяч – огромные деньги! И потому – лобок вперед, как Высший Орден Женского Могуущества, и

пусть встречный ветерок парусит роскошные распущенные волосы и тонкую маечку на высокой груди. За развернутыми плечами модный кожаный рюкзачок с книгами и небольшим, но бесценным жестким диском, сильные загорелые ноги в небрежно укороченных шортиках и нарочито дешевых спортивных тапочках уверенно попирают землю. Слева зеленое поле кампуса со знаменитой Кливлендской башней магистерского колледжа и будущие студенты на траве в тени развесистых лип и кизила, а справа череда маленьких магазинчиков с уличными стендами – книги, сувениры, спортивная обувь. И возле стенда спортивной обуви стоит – кто бы выдумали? – профессор Синди Кролл – крупная, рыжая, тридцатилетняя еврейка, заведующая кафедрой социологии экономического факультета Принстонского университета. На ее груди в рюкзачке-«кенгуру» висит пятимесячный малыш лицом вперед и, как настоящий индиго-экстраверт, вдумчивыми глазами регистрирует все вокруг. Если учесть, что это ее четвертый ребенок, то понятно, что профессор Кролл тоже не признает презервативы и не принимает противозачаточные.

– Привет, Валенсия, – сказала профессорша, держа в руках снятый со стенда «Nike» самого большого, тридцать девятого, наверное, размера. – Я получила твой реферат, но еще не читала. – Тут она вынула ребенка из рюкзачка и протянула Валенсии. – Подержи. Я хочу примерить этот «Nike», ноги после родов отекают...

Валенсия осторожно взяла малыша. Он оказался довольно тяжелым, но пах замечательно – парным молоком и еще чем-то удивительно теплым. При этом кроха в упор уставился на Валенсию и с короткого расстояния подробнейшим образом стал рассматривать ее брови, глаза, нос. Валенсия, конечно, тут же улыбнулась ему и сказала: «Привет!», но он лишь перевел свой изучающий взгляд на ее губы.

Между тем профессорша, сбросив с левой ноги свой старый «сникерс», кроссовку, и опершись одной рукой на тумбу уличного стенда, другой натянула на ногу новый «Nike» и счастливо улыбнулась:

– Слава богу! Нашла! – Она забрала малыша у Валенсии и посадила обратно в «кенгуру». – Спасибо! Пойду, заплачу. Про реферат напишу, когда прочту. Пока!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.